УДК 930.25(571.53)

ББК 79.3(2Р54)

DOI 10.31554/2222-9175-2021-43-74-81

А. А. Иванов, Н. М. Манян

ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ О РАБОТЕ
ЖАНДАРМСКИХ СЛУЖБ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ
С СЕКРЕТНОЙ АГЕНТУРОЙ В НАЧАЛЕ XX в.

Приведены документы Государственного архива Иркутской области, рассказывающие о работе жандармских служб в Иркутской губернии и Забайкалье. В частности, дан отчет о поездке помощника начальника Восточно-Сибирского районного охранного отделения в августе 1913 г. по линии Забайкальской железной дороги с проверкой деятельности жандармов по созданию сети секретной агентуры среди рабочих в Верхнеудинске, Чите, Маньчжурии, Слюдянке.

Ключевые слова: жандармы, Иркутская губерния, Верхнеудинск, Чита, секретные агенты.

A. A. Ivanov, N. M. Manyan

DOCUMENTS OF THE STATE ARCHIVE OF THE IRKUTSK
REGION ON THE WORK OF THE GENDARME SERVICES
OF THE IRKUTSK PROVINCE WITH SECRET AGENTS
AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

The article contains documents of the State Archive of the Irkutsk Region, telling about the work of gendarme services in the Irkutsk province and Transbaikalia. In particular, a report is given on the trip of the assistant head of the East Siberian district security department in August 1913 on the line of the Trans-Baikal Railway with verification of the activities of the gendarmes to create a network of secret agents among workers in Verkhneudinsk, Chita, Manchuria, Slyudyanka.

Keywords: gendarmes, Irkutsk province, Verkhneudinsk, Chita, secret agents.

В Российской империи XIX – начала XX в. политическая полиция была наиболее эффективным инструментом борьбы государства с радикальным оппозиционным движением. Решая непростые задачи охраны существующего режима, жандармские управления имели и весьма сложную структуру. В губерниях, в т. ч. и в Иркутской, они действовали с 1867 г. Иркутское ГЖУ имело четкую, обособленную задачами службы организацию: начальник управления – помощник начальника – адъютант – руководители районных (уездных) служб – унтер-офицеры – нижние чины, а всего (на 1903 г.) около 50 чел. [ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 112. Л. 16].

Помимо ИГЖУ, в 1902–1903 гг. в Иркутске было создано Охранное отделение, действовавшее формально в составе жандармского управления, но подчинявшееся напрямую Департаменту полиции. Охранное отделение также имело свой штат, канцелярию, секретных сотрудников. Если жандармское управление занималось

ИВАНОВ Александр Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: ottisk@irmail.ru.

МАНЯН Нонна Мартиновна – аспирант кафедры истории России Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Иркутский государственный университет (г. Иркутск, Россия). E-mail: nonnaman@yandex.ru.

производством дознаний по государственным преступлениям и надзором, то «охранка» – оперативно-розыскной деятельностью по этим же делам, т. е. сосредоточивала свои усилия на политическом сыске и наблюдении. В 1906–1914 гг. здесь действовало также Иркутское (Восточно-Сибирское) районное охранное отделение, которое было призвано координировать борьбу с революционерами в масштабах обширного региона.

В 1899 г. в Иркутске было создано жандармское полицейское управление Забайкальской железной дороги, выполнявшее сначала функции уголовной, а после первой революции – и политической полиции. Железнодорожные жандармы имели отделения на каждой крупной станции, их общая численность достигала 180–200 чел. [ГАИО. Ф. 603. Оп. 1. Д. 4. Л. 20].

Таким образом, в одном только Иркутске в начале XX в. существовало четыре(!) жандармских ведомства, имевших каждое свое управление и штаты. Несмотря на то что компетенции ведомств были четко определены, вполне естественное соперничество часто приводило к конфликтам, неприязни, разобщенности действий. Это хорошо заметно и из цитируемых ниже документов ГАИО.

Между тем охранение основ «благочиния и спокойствия» требовало от жандармов координации усилий и тотального наблюдения за всеми проявлениями публичной деятельности. Сделать это можно было только с помощью агентуры, завербованной и внедренной в среду рабочих, политических ссыльных, торговых служащих, учащихся. Хороший, подготовленный агент, вошедший в доверие к своим товарищам, ценился высоко и был на особом счету. О нем мог знать только начальник Охранного отделения и его помощник. Такого агента всячески берегли от провала. Например, агент Крут, «сдавший» в 1915 г. практически весь «Союз сибирских рабочих» в Иркутске, а это несколько десятков человек, по конспиративным соображениям был арестован жандармами вместе со всеми, благодаря чему так и не был до конца разоблачен [ГАНИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 288. Л. 10–15].

Командирование ротмистра Коробчакова по линии Забайкальской железной дороги напрямую было связано с агентурой – Коробчаков, помощник начальника Восточно-Сибирского районного Охранного отделения по г. Иркутску, должен был проверить работу жандармского полицейского управления дороги по созданию сети осведомителей среди рабочих и служащих. Следует сказать, что до поездки в Верхнеудинск и Читу Коробчаков побывал на Сибирской железной дороге, посетив с 8 по 10 августа 1913 г. Нижнеудинск, Тулун и ст. Иннокентьевскую. Ротмистр встречался с начальниками жандармских полицейских отделений и требовал предъявить ему тайных агентов, однако безрезультатно: коллеги, ссылаясь на нехватку денежных средств, говорили об отсутствии агентуры как таковой. Только в Нижнеудинске ротмистру удалось поговорить с секретным сотрудником Алзамайским, да и то – бывшим. Можно предположить, что железнодорожные жандармы просто не раскрывали своих осведомителей Коробчакову, боясь утечки информации [ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1160. Л. 114].

Публикуемые ниже документы взяты нами из фонда 600 Иркутского губернского жандармского управления (оп. 1, д. 1160 «Сведения о секретных сотрудниках (агентах) жандармского управления и их списки»). Несмотря на столь многообещающее название, в деле, кроме кличек агентов, работавших на ИГЖУ, Охранное отделение или жандармское управление Забайкальской железной дороги, иных «сведений», раскрывающих настоящее имя, возраст, место службы, социальное положение сексотов, нет, что являлось общепринятой практикой «сокрытия» от «лишних глаз» своего агента.

Тексты документов выполнены машинописным способом с пометами от руки на полях. В правом верхнем углу листа 117 – штемпельный оттиск: «Отдельного корпуса жандармов ротмистр Коробчаков», на листе 121 – оригинальная подпись

Коробчакова. Тексты публикуются с небольшими извлечениями и комментариями. Документы оформлены в соответствии с «Правилами издания исторических документов в СССР» (М., 1990). В документах применяются общепринятые сокращения. Тексты публикуемых документов переданы в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистические особенности полностью сохранены. Погрешности текста, не имеющие смыслового значения (орфографические ошибки, опечатки), исправлены нами без оговорок. Пропущенные в тексте документов и восстановленные слова, части слов заключены в квадратные скобки. В тексте сохранены дореволюционные географические наименования. Комментарии к публикуемым документам составлены по печатным и архивным источникам.

Документ № 1

Совершенно секретно
№ 1667. 10 августа 1913 г.

По распоряжению начальника Восточно-Сибирского районного Охранного отделения помощник его по г. Иркутску ротмистр Коробчаков командировается по линии Забайкальской железной дороги для проверки агентуры подведомственных Вашему Высокоблагородию начальников отделений и у помощника начальника отделения на пограничном пункте станции Маньчжурия.

Уведомляя об изложенном, прошу распоряжения Вашего начальникам отделений вверенного Вам управления.

[ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1160. Л. 111].

Документ № 2

Совершенно секретно
Отдельного корпуса жандармов ротмистр Коробчаков
24 августа 1913 г. № 99. г. Иркутск.

Начальнику Иркутского губернского жандармского управления.

Во исполнение предписания от 11 сего августа за № 1667 в промежуток времени с 12 по 21 сего августа мною была произведена фактическая проверка агентуры и документов, относящихся к таковой, у начальников отделений жандармского полицейского управления Забайкальской жел. дор. и у помощника начальника отделения на пограничном пункте Маньчжурия, причем оказалось нижеследующее:

За исключением начальника Иркутского отделения ротмистра Нартова, предъявившего мне секретного сотрудника, получающего содержание из аванса Департамента полиции на политический розыск, и начальника Байкальского отделения подполковника Желенина, предъявившего мне штучника [1] по уголовному розыску, у остальных начальников отделений агентуры, как партийной, так и уголовной, не имеется, причем отсутствие секретных сотрудников по уголовному розыску начальники отделений объясняют неотпуском необходимых на этот предмет денег. Что же касается агентуры партийной, то приобрести таковую, по заявлению означенных офицеров, они могли бы только из среды железнодорожных служащих, но так как в числе агентов дороги людей партийных или же с политическим прошлым не имеется абсолютно, то и завести партийную агентуру весьма затруднительно, а то и совершенно немыслимо.

Справедливость объяснений начальников отделений, что в смысле приобретения уголовной агентуры они встречали препятствие со стороны непосредственного начальства в лице бывшего начальника управления полковника Мартоса и нынешнего полковника Григоровича – подтверждается документально:

1) В агентурных делах отделений имеется циркулярная телеграмма полковника Мартоса от 25 января сего года за № 208, которая гласит: «Ввиду ограниченности денежного отпуска на уголовный розыск приказываю с первого марта на месячном

содержании сотрудников не иметь, плата же за каждое доставленное полезное для дела розыска сведение может быть учиняема только сдельно».

2) Полковник Григорович циркулярной телеграммой от 2 августа сего года за № 680 предписал подведомственным ему начальникам отделений: «Ввиду ограниченности денежного отпуска на уголовный розыск при[ка]зываю с первого сего августа на месячном содержании сотрудников не иметь» [2].

3) Бывший помощник начальника Бурятского отделения на пограничном пункте ст. Маньчжурия ротмистр Гибер фон Грейфенфельс получил телеграмму от 30 июля сего года за № 1619 начальника Иркутского отделения ротмистра Нартова со сведениями об участниках ограбления 16 мая сего года почтового поезда близ ст. Оловянная, проживавших до ограбления на ст. Маньчжурия. Для разработки означенных сведений ротмистру Гибер фон Грейфенфельсу удалось приобрести секретного сотрудника, начавшего работать в этом направлении продуктивно, о чем можно судить по телеграмме ротмистра Гибер фон Грейфенфельса за № 461 на имя ротмистра Нартова. Вместе с тем телеграммой от 31 июля сего года за № 464 ротмистр Гибер фон Грейфенфельс обратился с просьбой к начальнику управления об отпуске ему аванса в размере 35–40 руб. для агентурных расходов в связи с означенными выше сведениями. В ответ на это ходатайство после вторичного запроса была получена телеграмма от 2 августа сего года, без номера, за подписью адъютанта управления ротмистра Маматказина с уведомлением, что ходатайство, изложенное в телеграмме № 464, не будет удовлетворено. В результате ротмистр Гибер фон Грейфенфельс лишился сотрудника и таким образом дальнейшая разработка этих важных в данный момент сведений прекратилась.

Для выдачи вознаграждения секретным сотрудникам начальники отделений жандармского полицейского управления Забайкальской жел. дороги в настоящее время никакого аванса в своем распоряжении не имеют и деньги высылаются из управления в каждом отдельном случае по получении от начальника отделения собственноручной расписки сотрудника в получении им вознаграждения, фактически им еще не полученного. Означенные расписки начальникам отделений не возвращаются, а остаются в управлении.

Проверка агентуры и относящихся к ней документов у начальников отделений производилась мною: 14 августа на ст. Сретенск, 16 августа на ст. Маньчжурия, 17 августа на ст. Оловянная, 18 августа на ст. Чита-2, 19 августа на ст. Петровский Завод, того же числа на ст. Верхнеудинск, 20 августа на ст. Слюдянка и 21 августа на ст. Иркутск.

Начальник Сретенского отделения ротмистр Гибер фон Грейфенфельс вступил в означенную должность 9 августа сего года, причем предместник его подполковник Желенин агентуры ни политической, ни уголовной ему, ротмистру Гибер фон Грейфенфельсу, не передавал, завести же таковую в столь короткий промежуток времени (с 9 по 14 августа) последнему возможности не представилось. При осмотре агентурного дела за текущий год в таковом имеется последнее агентурное сведение от 8 января сего года, представленное подполковником Желениным в район того же числа за № 19. В том же деле находится отпуск секретной записки от 25 января сего года за № 45 в представлении расписки на 15 руб. секретного сотрудника Амурец в получении им вознаграждения за январь месяц того же года и с просьбой о высылке означенной в расписке суммы, в ответ на что было получено предписание начальника жандармского полицейского управления Забайкальской жел. дор. от 29 того же января за № 92 с возвращением означенной выше расписки и с уведомлением, что просимые деньги могут быть высланы по получении аванса от иркутского губернатора. Далее следует вторичное представление начальнику управления той же расписки и получение денег при надписи от 1 марта, после чего означенная кличка секретного сотрудника в деле не встречается.

Из агентурного дела за 1912 г. видно, что Амурец был принят на жалованье 15 руб. в месяц в октябре 1912 г. В том же деле имеются документы, свидетельствующие о том, что в декабре 1911 г. и январе 1912 г. у подполковника Желенина был секретный сотрудник по политическому розыску под кличкой «Крючок», принятый на содержание 30 руб. в месяц, которого предписанием начальника Управления от 28 февраля 1912 г. было приказано перевести на положение штучника. Работать штучником «Крючок» отказался (донесение начальника отделения за № 124 от 12 марта 1912 г.), и последний раз деньги на него были высланы начальником управления при предписании от 19 марта 1912 г. за № 371. Зарегистрированных сведений о «Крючке» в деле не имеется. На уголовный розыск начальник отделения в 1912 г. имел аванс в сумме 100 руб., за который отчитался в том же году, и отпуска нового аванса не последовало.

У помощника начальника Бурятского отделения на пограничном пункте ст. Маньчжурия ротмистра Комно, принявшего эту должность 6 сего августа от ротмистра Гибер фон Грейфенфельса, никакой агентуры не имеется и агентурное дело не заводилось. Ротмистр Комно предъявил мне переписку, о которой я докладывал уже выше в настоящей записке (по поводу просьбы ротмистра Гибер фон Грейфенфельса аванса на оплату агентуры в связи с разработкой сведений о шайке грабителей, оперирующей по линии Забайкальской жел. дор.).

Начальник Бурятского отделения ротмистр Никитин заявил мне, что по уголовному розыску у него имеется 3 секретных сотрудника без содержания и кроме того в каждой службе – «свой человек», сообщающий ему, ротмистру Никитину, о настроении среди служащих. Однако ни одного из своих секретных сотрудников ротмистр Никитин мне не предъявил и даже не сообщил мне их кличек, а зарегистрированных агентурных сведений, по которым можно было бы судить о наличии агентуры, в делах отделения не имеется. Равным образом не имеется и переписки, относящейся к оплате трудов означенных выше секретных сотрудников.

По объяснениям, которые были даны мне ротмистром Никитиным, уголовная агентура в Бурятском отделении содержится на его, ротмистра Никитина, личные средства. Вместе с тем ротмистр Никитин по поводу непредъявления мне своих секретных сотрудников заявил мне, что, получивши телеграмму начальника управления полковника Григоровича с уведомлением о времени моего прибытия (в телеграмме было указано число и № поезда) и с предписанием предъявить мне агентуру и относящиеся к ней документы, не нашел возможным вызывать секретных сотрудников к себе в канцелярию или на квартиру по конспиративным соображениям, а имел в виду показать мне их в пути следования, с каковой целью один из них ехал будто бы со мной в одном поезде при моем следовании в передний путь (на ст. Маньчжурия), но я спал и его сотрудник вследствие этого не имел возможности будто повидаться со мной. Когда же я заявил, что у меня с собой имеется статское платье и что таким образом здесь, где меня решительно никто не знает, необходимые свидания с агентурой можно обставить вполне конспиративно, то ротмистр Никитин все же уклонился от предъявления агентуры.

Что представляет из себя в действительности агентура ротмистра Никитина, можно судить по нижеследующему факту, ставшему мне известным совершенно случайно. На станции Маньчжурия в этом году телеграфист железнодорожного телеграфа устроил дебош при значительном скоплении публики. Когда на место происшествия явились жандармские унтер-офицеры, чтобы забрать скандалиста в дежурную жандармскую комнату для составления протокола, то последний, сопротивляясь, кричал, что он «друг Никитина». Помощник начальника отделения на пограничном пункте ротмистр Гибер фон Грейфенфельс запросил телеграммой ротмистра Никитина, насколько справедливы заявления телеграфиста-дебошира о том, что он состоит секретным сотрудником в Бурятском отделении. На это рот-

мистр Никитин ответил, что личность скандалиста ему известна, но что секретным сотрудником он никогда не состоял и не состоит. После такого ответа дело получило законный ход. Но вслед за этим ротмистр Никитин при личном свидании с ротмистром Гибер фон Грейфенфельсом заявил последнему протест в резкой форме против «провала сотрудника». В разговоре с ротмистром Никитиным я дал понять ему, что доложенный выше факт мне известен, на что последовал ответ: «А, бросьте эти пустяки, – это телеграфист, давший мне сведения о настроениях в телеграфе».

Несколько своеобразными и не отвечающими требованиям к современной технике розыска кажутся мне приемы, которые применяются в этой области ротмистром Никитиным в деле розыска. По получении сведений о проживании на ст. Оловянная лиц, причастных к ограблению 16 мая сего года почтового поезда близ названной станции (выписка из дневника агентурных сведений за № 899 от 3 августа сего года, сведения «Фомы»), начальник Байкальского отделения подполковник Желенин посылает на ст. Оловянная своего сотрудника «Фому». Ротмистр Никитин, зная о времени прибытия «Фомы», поручает своему унтер-офицеру вести наблюдение за «Фомой». Унтер-офицер встречает «Фому», тут же на дебаркадере допрашивает его подробно об обстоятельствах дела, устанавливает за ним наблюдение при посредстве стражников, а затем представляет начальнику отделения письменный доклад, представляющий из себя критический обзор деятельности секретного сотрудника за время пребывания последнего в районе ст. Оловянная.

У начальника Читинского отделения подполковника Перепелкина ни уголовной, ни политической агентуры не имеется и заводить таковую, судя по словам подполковника Перепелкина, он не намерен до тех пор, пока ему не будут отпускаться на этот предмет нужные для этого денежные средства. Агентурного дела и вообще никаких документов, относящихся к розыску, мне предъявлено не было, причем подполковник Перепелкин заявил мне, что таковых документов в его канцелярии не имеется. Со слов подполковника Перепелкина мне известно, что последний секретный сотрудник по уголовному розыску у него был «Фомин» – известный вашему Высокоблагородию и уехавший из Читы в августе прошлого года после провала, причем таковой провал подполковник Перепелкин относит к вине вверенного Вашему Высокоблагородию района. Между прочим, подполковником Перепелкиным было сказано мне нижеследующее: «после свидания с Фоминым» полковник Васильев попросил меня передать ему этого сотрудника. Мне очень не хотелось расставаться с этим ценным для меня сотрудником, так как, зная хорошо приемы охраны, я был уверен, что Вы его скоро провалите. Так оно и случилось – работал он в Никольске, что ли, и вскоре Вы его провалили вдребезги».

У начальника Петровско-Заводского отделения ротмистра Левицкого, судя по агентурному делу, до 1 августа сего года по уголовному розыску состояли секретные сотрудники: «Зеленый» – на жалованье 20 руб. в месяц и «Минин» – штучник, который уволен с 1 августа согласно упомянутой в настоящем донесении циркулярной телеграмме начальника управления от 2 августа за № 680. Зарегистрированных сведений названных сотрудников в делах отделения не имеется. В истекшем 1912 году имелся сотрудник по с.-д. организации, работавший в течение 3 месяцев под кличкой «Финн» и уволенный за неполучением из управления денег для выдачи ему вознаграждения. Сведения «Финна» регистрировались и своевременно представлялись в район через начальника жандармского полицейского управления Забайкальской жел. дор. и препровождались ротмистру Булахову [На полях надпись от руки: А Булахов представлял в район?] [3].

Начальник Верхнеудинского отделения ротмистр Павлов платных секретных сотрудников как по уголовному, так и по политическому розыску не имеет; последние же сведения, представленные ротмистром Павловым в район в августе сего года

(о проживании на заводе Тютюкова некоего Степанова – человека с политическим прошлым), получены им от лица, в агентуре не состоящего и дающего сведения только из личных симпатий. Случайно получаемые сведения ротмистр Павлов заносит в дневник по форме, установленной предместником Вашего Высокоблагородия подполковником Познанским.

Начальник Байкальского отделения подполковник Желенин предъявил мне секретного сотрудника по уголовному розыску «Фому», принятого 14 июля сего года на содержание 15 руб. в месяц и переведенного с 1 августа на положение штучника.

«Фома» – 231410232417231329281413234917211812132315291017 [4] – из уголовных ссыльнопоселенцев, ныне приписанный к крестьянам Осинской волости Балаганского уезда, проживает на разъезде Култук и занимается мелочной торговлей в разнос. «Фома» производит впечатление человека вполне надежного, добросовестного и, что редко, бескорыстного (будучи переведен на положение штучника сказал: «Ну и отлично, я очень доволен, по крайней мере буду спокоен, зная, что даром деньги не будут давать»), но ожидать от него существенной для дела пользы трудно, так как он провален. В разговоре со мною «Фома», выражая свое полное желание принести пользу делу розыска, признался чистосердечно, что ему много мешает обстоятельство, что «шпана» знает о его службе у начальника отделения. «Как только напьются, – говорит он, – показывают на меня пальцем и орут: “Вот идет сыщик”».

Начальник Иркутского отделения ротмистр Нартов предъявил мне своего секретного сотрудника по политическому розыску под кличкой «Белый», получающего с 24 июня сего года вознаграждение в размере 75 руб. в месяц.

«Белый» – 19141522472919415172414132349172520162335141910392348 – уроженец гор. Одессы, потомственный дворянин, окончил 6 классов Одесского реального училища, а затем трехгодичный курс Нью-Йоркских высших общеобразовательных курсов. В 1904 г. состоял секретным сотрудником в Варшавском губернском жандармском управлении по Народной партии, к каковой стоял очень близко (партийным сам не был), а с 1901 по 1903 г. жил в Нью-Йорке и состоял в переписке с секретным сотрудником начальника Варшавского губернского жандармского управления «Виктором Черным» (3523152613234913), сообщая последнему сведения по польской с.-д. партии. Поддерживает связь с членами бывшей «Военной организации» Павлом Поповым и Павлом Николаевичем Кудрявцевым и с с.-р. Осипом Андреевичем Блаудером. Кроме того, за время службы управляющим в ресторанах «Модерн» (г. Иркутск) и «Даурия» (г. Чита) приобрел знакомство с бандитами.

Данных, по которым можно было бы сделать сколь-либо правильную оценку «Белого» как секретного сотрудника по политическому розыску, в агентурном деле начальника отделения не имеется, но полнейшая конспиративность «Белого» заставляет предполагать, что месячный расход в 75 руб. на уплату ему содержания не оправдывается и в будущем никогда не оправдается. Белый открыто посещает канцелярию начальника отделения, помещающуюся на вокзале, и таким образом его знают как агента ротмистра Нартова не только все жандармские унтер-офицеры и стражники ст. Иркутск, но и железнодорожные агенты.

Между прочим, в разговоре со мной «Белый» сообщил, что при работе по розыску ему приходится зачастую переодеваться и даже гримироваться, что влечет за собой значительные расходы, возмещение каковых для него является существенно необходимым. За время моей службы по розыску мне не приходилось слышать, чтобы секретные сотрудники переодевались и гримировались, а потому, когда я впервые услышал от подполковника Перепелкина о комичных маскарадах, практикуемых секретным сотрудником ротмистра Нартова, то в душе не поверил этому. Тот же подполковник Перепелкин утверждает, что во время недавнего приезда в Читу «Бело-

го» имел возможность убедиться, что последнего знают как сотрудника ротмистра Нартова не только все жандармские унтер-офицеры и стражники ст. Чита, но даже прислуга в буфете и парикмахер.

Справок о службе «Белого» по розыску в Варшавском губернском жандармском управлении не имеется [5].

Ротмистр Коробчаков.

[ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1160. Л. 117–121].

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства») № 121031000241-1.

Комментарий

1. Штучник – секретный агент уголовной или политической полиции без денежного оклада, финансируемый по факту выполненной им работы.

2. Перевод секретных осведомителей на «сдельное» содержание кажется нам вполне разумным, мерой, призванной увеличить результативность их работы.

3. Ротмистр Булахов – помощник начальника ИГЖУ. Как следует из приведенных строк, жандармское полицейское управление Забайкальской железной дороги обязано было отчитываться о работе своей агентуры и перед начальником Восточно-Сибирского районного охранного отделения, и перед начальником ИГЖУ, что не могло не вызывать недовольства железнодорожных жандармов.

4. Скорее всего здесь и далее зашифрованы сведения о секретном сотруднике – его настоящая фамилия и имя.

5. Начальник Иркутского отделения ротмистр Нартов доложил Коробчакову, по всей видимости, не о всех своих агентах. ЖПУ ЗЖД располагало в Иркутске в этот период по крайней мере тремя сотрудниками, которые проходили по журналу как «Белый», «Красный» и «Зеленый». Невозможно сказать, кто дал секретным агентам столь оригинальные клички, из переписки лишь видно, что их денежное вознаграждение было одинаковым и составляло 15 руб. в месяц [ГАИО. Ф. 602. Оп. 1. Д. 254. Л. 16].

Источники и литература

Государственный архив Иркутской области (ГАИО): ф. 600, оп. 1, д. 112, 1160; ф. 602, оп. 1, д. 254; ф. 603, оп. 1, д. 4.

Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО): ф. 393, оп. 5, д. 288.

Путеводитель по фондам Государственного архива Иркутской области: в 2 ч. Ч. 1. Досоветский период / сост.: Ю. П. Колмаков, Е. А. Луговская, Н. В. Чичкова и др. – Иркутск: Оттиск, 2017. – 548 с.

References

Gosudarstvennyj arhiv Irkutskoj oblasti (GAIO): f. 600, op. 1, d. 112, 1160; f. 602, op. 1, d. 254; f. 603, op. 1, d. 4.

Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Irkutskoj oblasti (GANIIO): f. 393, op. 5, d. 288.

Putevoditel' po fondam Gosudarstvennogo arhiva Irkutskoj oblasti: v 2 ch. Ch. 1. Dosovetskij period / sost.: Yu. P. Kolmakov, E. A. Lugovskaya, N. V. Chichkova i dr. – Irkutsk: Ottisk, 2017. – 548 s.